

УДК 94(470.6)''18''

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И АРМЯНЕ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ
XIX ВЕКА**

Ю.Ю. Гранкин

**THE RUSSIAN EMPIRE AND ARMENIANS:
INTERACTION IN THE CONFESSIONAL CONTEXT
OF THE XIX CENTURY**

Yu.Yu. Grankin

Аннотация. В статье представлены ход и результаты взаимодействий различных правительственных структур и кавказского начальства Российской империи с эчмиадзинскими патриархами (католикосами). Российские власти стремились использовать авторитет иерархов Армянской церкви в качестве одного из инструментов укрепления позиций России в Кавказском крае, а также стремились задействовать армянский клир для продвижения российских интересов на Ближнем Востоке.

Abstract. The article presents the course and results of interactions between various government structures and the Caucasian authorities of the Russian Empire with the Patriarchs of Etchmiadzin (Catholicoses). The Russian authorities sought to use the authority of the hierarchs of the Armenian Church as one of the tools to strengthen Russia's position in the Caucasus region, and also sought to use the Armenian clergy to promote Russian interests in the Middle East.

Ключевые слова: Российская империя, правительство, Армянская церковь, эчмиадзинские иерархи, католикос, дипломатия, конфессиональные отношения.

Keywords: Russian Empire, government, Armenian Church, Etchmiadzin hierarchs, Catholicos, diplomacy, confessional relations.

Усиление присутствия Российской империи на Кавказе и за Кавказом, а также стремление Петербурга иметь рычаги влияния в социальных структурах осваиваемого края и соседнего Ближнего Востока предполагали избрание соответствующих агентов и средств реализации целей, определяемых политическими задачами. В Петербурге видели в Кавказском перешейке «мост в сердце Азии» и передовое укрепление, способное защитить Черное и Каспийское моря от притязаний недружественных держав, поскольку «охранять свои южные бассейны Россия может только с кавказского перешейка» [10, с. 22, 37]. На всём пространстве Азии Россия желала «прочно утвержденного влияния, которое устранило бы навсегда чужое соперничество» [10, с. 24].

Российская дипломатия ещё со времен Петра I вместе с постепенным обозначением своих намерений на Кавказе пыталась использовать, в том числе и конфессиональный фактор в качестве способа продвижения своих геополитических интересов в Азии. Складывавшиеся обстоятельства и ход

событий сделали армян исторически обусловленной социально-культурной составляющей ближневосточной политики России, выступившей с претензией способствовать возрождению и защите прав армянского народа в силу возложенной на себя обязанности и священного долга оказания помощи конфессионально близким братьям, вынужденным бороться за существование в системе враждебно настроенного к ним этнополитического и вероисповедального пространства.

Эта тенденция, однако, не сделала положение армян более предсказуемым и безопасным. В силу исторических перипетий большие армянские диаспоры, находившиеся на территориях Османской империи и Персии, так или иначе вовлекались в геополитические противостояния, разворачивавшиеся на протяжении всего XIX века между державами Ближнего Востока и Российской империей. Конфессиональная и культурная обособленность армян в исламском мире ближневосточного региона не могли гарантировать им устойчивого существования и развития, а даже относительно проявленная симпатия в сторону России, неизбежно порождала подозрительность со стороны правящих дворов восточных деспотий.

Армяне, являясь экономически активной силой Ближнего Востока, имели возможности участия не только в хозяйственных сферах, но и, будучи способными встраиваться в местные общественные структуры и устанавливать между диаспорами специфически обусловленные коммуникации, становились для российской дипломатии ценным инструментом «мягкой силы» в конкуренции со своими геополитическими соперниками.

Ключом к влиянию на армян был Эчмиадзинский монастырь, бывший центром не только вероисповедального или этнокультурного существования армянской нации, но и политическим центром сохранения и поддержания её единства. Исторически Эчмиадзинский патриарх (католикос) получал право на руководство всем «гайканским народом». После Русско-персидской войны 1826–1828 гг. и присоединения к империи Эриванской области Эчмиадзин и его патриархи стали объектом внимания российской дипломатии, т. к. посредством армян открывались новые возможности в проведении ближневосточной политики и укреплении позиций России в Кавказском крае [8, с. 474].

Российские власти поддержали установившуюся привилегию Эчмиадзинских патриархов (католикосов) представлять интересы «гайканского народа», действовать от его имени и избираться армянами по всему миру. На территории России Армянская церковь получила права широкой автономии, но Петербург стремился контролировать выдвижение и избрание армянских католикосов, в связи с чем деятели Армянской церкви вынуждены были тщательно подбирать кандидатуры для участия в выборах католикоса, не вызвав отторжения в имперской столице и одновременно имея возможность действовать в пользу армянского сообщества. Сложность состояла в том, что власти требовали, чтобы кандидатами были только подданными империи, что создавало напряжение в отношениях с армянами, проживавшими за её пределами. Российская дипломатия

искусственным образом лишала зарубежных армян возможности участвовать в деятельности важнейшего национального института. Это могло привести к раздорам в Армянской церкви и диаспорах, к умалению авторитета эчмиадзинских католиков.

Ввиду этих обстоятельств форма и способы российского влияния на эчмиадзинских патриархов требовали осторожности, выверенности и обоснованности. Так, российский исследователь В.С. Дякин заметил, что только заинтересованность российской дипломатии в поддержании внешнего авторитета католиков помогла Армянской церкви устоять перед давлением политически обусловленной мотивации со стороны светских властей и сохранить значительный вес среди всего «гайканского народа» [6, с. 132].

Соперничество, существовавшее между Министерством иностранных дел, Министерством духовных дел иностранных исповеданий, чиновниками Кавказской администрации и военным начальством, вносило долю состязательности в отношения с Эчмиадзином, вынужденным лавировать и быть весьма осторожным, но всегда придерживаться своих предпочтений.

В связи с этим главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г.В. Розен в 1831 г. сообщал в своем отношении к главноуправляющему Министерством духовных дел иностранных исповеданий тайному советнику Д.Н. Блудову о поступавших к нему жалобах «о неудобстве прямого сношения с Армянским патриархом» из-за «всегдашней склонности армянского духовенства к личным своим выгодам и покушениям выйти совершенно из зависимости начальства» [2, с. 263]. На примере архиепископа Нерсеса он подчеркивал нежелание армянских иерархов быть прямым орудием российских властей, который «из видов честолюбия, дозволявшего себе непозволительные действия против начальства и разные непосредственные сношения с иноземными властями» [2, с. 263], одновременно оговариваясь, что не мог найти в действиях епархиального начальника никаких доказательств «о неблагонамеренности его к правительству» [2, с. 263].

Кавказское начальство также конкурировало с армянскими церковными иерархами за возможность первенствующего влияния на «гайканский народ», просило исходатайствовать повеление императора, чтобы во всех важных делах и решениях, исходивших от Эчмиадзина, главное начальство Закавказского края имело непосредственное участие «для отвращения часто возникающих злоупотреблений по управлению сего духовенства» [2, с. 263]. Кроме того, барон Г.В. Розен просил Д.Н. Блудова «исходатайствовать повеление Г.И., дабы Министерство иностранных исповеданий не входило в прямые сношения с Армянским патриархом без сведения здешнего начальства» [2, с. 263].

В 1831 г. возникла коллизия в силу того, что «хотя Эчмиадзинский престол и уважаем всею Армянской нацией, и католикос имеет на оную влияние», но турецкие армяне воздерживались признавать интронизацию католикоса Иоаннеса и входить в непосредственное сношение с его посланцами, «опасаясь чрез то навлечь на себя негодование султана и подать повод подозревать их в своей приверженности к России» [2, с. 264].

Оттоманская Порта с некоторого времени стала обращать большое внимание на лиц, прибывавших в страну из Эчмиадзина, а потому турецкие армяне сильно опасались репрессий со стороны султанских властей. Они запросили у султана фирман о высылке посланцев католикоса – человека, который был российским подданным.

Турецкие армяне уже имели опыт взаимодействия с Эчмиадзином, когда он находился под владением Персии, когда на то требовалось согласие султана. Теперь же, когда Эчмиадзин находился в российских пределах и выбор католикоса зависел от воли российского императора, а сам католикос был подданным Российской империи, они опасались признавать помазание Иоаннеса без предварительного на то позволения султана. С другой стороны, они не могли ходатайствовать у Порты о «дозволении им подчинить себя Эчмиадзинскому престолу, дабы не впасть через то в подозрение» [2, с. 264].

Российская дипломатия также не могла предоставить «произволу судьбы» согласие со стороны Оттоманской Порты на «высочайше учиненные распоряжения», что было бы несовместным с достоинством России и её политикой. По мнению российского посланника при Оттоманской Порте А.П. Бутенева, выходом было бы не обращать без нужды каким-либо торжественным действием внимания Порты на посвящение нового Эчмиадзинского патриарха из-за известной мнительности турецкого правительства. Если прежде испрашивались от турецкого и персидского правительств фирманы формального утверждения вновь посвященных армянских патриархов, то «отныне же по Высочайшей воле, сие утверждение должно принадлежать одной державе Российской» [2, с. 264].

Другой проблемой было требование начальника Армянской области, чтобы без предварительного согласия с главным кавказским начальством католикос не решался посвящать кого-либо ни в епископы, ни в архимандриты, ни даже в приходские священники. Бывший на Эчмиадзинском престоле католикос Ефрем, предшественник католикоса Иоаннеса, объяснил российским властям невыгодность такого распоряжения, из-за которого глава Армянской церкви мог лишиться влияния на зарубежных армян, т. к. враги и соперники католикоса не замедлят внушить всем, что «Российское правительство отняло у него издревле присвоенное ему преимущество» [2, с. 265]. По словам католикоса Ефрема, такое ограничение прав Эчмиадзинского патриарха принесет только вред, без какой-либо выгоды, и будет иметь вид невнимания со стороны российской властей к сану патриарха и тем придаст больше веса патриархам Константинопольскому и Сисскому, которые «издавна ищут случая приобрести права, коими они доселе не пользовались» [2, с. 265].

В Петербурге вняли доводам католикоса Ефрема и постановили дозволить Эчмиадзинскому католикосу помазывать в епископы и архимандриты, не испрашивая предварительного на то разрешения для тех лиц, которые назначались оставаться в Эчмиадзине или направлялись за границу, довольствуясь всякий раз отсылаемыми к главным российским властям подробных

списков. Однако это правило не распространялось при назначениях армянских духовных лиц к управлению епархиями в Россию. Петербург был также против посвящения в духовные звания людей из податного состояния или принадлежащих частным лицам, а также запрещал посвящать в священники без необходимого образования для получения духовного звания.

Одновременно Петербург старался всячески расположить к себе Армянских патриархов и весь армянский клир. Так, в день помазания на Эчмиадзинский престол католикоса Иоаннеса 8 ноября 1831 г. от имени правительства Российской империи дан был обед и ужин, «при коих угощаются были около 300 человек военных и гражданских чиновников, равно почетнейших жителей тамошних и из других мест прибывших, как Армян, так и Татар и все Эчмиадзинское сословие» [2, с. 262].

Большое внимание уделяли установлению прочной привязанности армян к России кавказские наместники. В частности, в этом направлении много трудов приложил князь М.С. Воронцов, у которого сложились доверительные отношения с архиепископом Нерсесом Аштаракети, взошедшим на Эчмиадзинский престол в 1843 г. Их знакомство и сотрудничество продолжалось несколько десятилетий, начиная с 1803 г. [7, с. 352]. Кавказский наместник рассчитывал с помощью католикоса «привести в исполнение многие свои экономические планы путем привлечения к их реализации армянских предприимчивых людей» [8, с. 475]. Авторитет и влияние католикоса Нерсеса V немало поспособствовал «русскому делу» как в Кавказском крае, так и за его пределами, благодаря чему российские власти всегда встречали положительный отклик и готовность содействовать её нуждам.

Новая ситуация во взаимодействии Петербурга с Эчмиадином возникла после расширения масштабов присутствия католического элемента в Кавказском крае, пополнение которого происходило как за счет переселения определенного их числа на территорию Южного Кавказа, так и роста рекрутов католического вероисповедания, направляемых для прохождения службы в составе Отдельного Кавказского корпуса из губерний Царства Польского.

Для ослабления опасных тенденций российские власти стремились ограничить российских католиков на Кавказе от влияния Рима [5, л. 13]. Им запрещалось принимать папские буллы, а также был ограничен приток католического священства из-за пределов империи. Было объявлено требование, чтобы священники римско-католического исповедания происходили из подданных России или были утверждены там, в священническом сане. По указанию из Петербурга было решено «без огласки» взять у всех бывших там католических патеров подписки, которые обязывали их не преподавать людям другого вероисповедания католических треб и наставлений [1, с. 465], но при этом стараться, «чтобы разрушить и уничтожить и тень мысли, что мы точно ведем духовную войну» [9, л. 46].

Несмотря на ограничения, европейские дипломаты и католические монахи продолжали миссионерскую работу среди армян, чему способствовало нахождение в Константинополе армянского католического архиепископа.

Именно через Константинополь на Кавказ проникали монахи различных католических конгрегаций, которые либо были родом из армян, либо в совершенстве владели армянским и грузинским языками. Российские консулы на Ближнем Востоке сообщали в Петербург, что выдворенные за пределы империи католические монахи не только сохраняли прочные связи среди части местных кавказских жителей, но старались насаждать революционные происки, «коими они служат орудием Поляков» [3, с. 241].

Российские власти также опасались распространения влияния католицизма за пределы Грузии – на Абхазию и Дагестан, что могло содействовать проникновению польских эмигрантов в горскую среду, а впоследствии «возбуждать их действовать против нас» [3, с. 242].

С другой стороны, власти получили возможность контролировать существование католического вероисповедального сегмента в условиях обострившейся нужды в католических священниках из-за притока католического элемента в край. По предложению барона Г.В. Розена указом императора Николая I с 1834 г. армяно-католиков российского подданства стали направлять на обучение в Римско-католическую духовную академию в г. Вильно. Выученики должны были стать заменой заграничным католическим патерам и поспособствовать укреплению лояльности российским властям среди всего католического населения Кавказа вообще и среди присылаемых рекрутов из всех Северо-Западных губерний, в частности.

Однако скоро у Петербурга выявились трудности во взаимодействии с Эчмиадзином, выказавшим неудовольствие таким развитием ситуации, объективно ослаблявшей положение Армянской церкви в крае в пользу католицизма. Петербургу приходилось проводить более тонкую игру, позволявшую не только не настраивать против себя эчмиадзинских иерархов и не умалять их авторитет и влияние, но через католиков-армян приобрести возможность влиять, наблюдать и действовать в свою пользу в католической среде Кавказских губерний и даже за их пределами.

Дабы успокоить Эчмиадзин, Петербург обещал нечто вроде компенсации: поверенный России в делах при Тегеранском дворе «не оставит оказывать зависящих от него содействий Испаганскому и Адербейджанскому епархиальным начальникам в деле к совершенному устранению соблазнительных вредных действий и влияния римско-католической и протестантской пропаганды, разными происками домогающейся привлечь в свою веру местных простых армян» [4, с. 533].

Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что различные власти Российской империи и российская дипломатия в разной степени и результатами старались посредством конфессиональных учреждений приобрести себе важных помощников утверждения в Кавказском крае идеологических и организационных основ российской государственности, а за его пределами иметь проводников разнородных российских интересов и источники необходимой информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под редакцией А. П. Берже. – Тифлис : Главное Управление Наместника Кавказского, 1874. – Т. VI. – Ч. I. – 941 с. – Текст : непосредственный.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под редакцией А. П. Берже. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – Т. VIII. – 1009 с. – Текст : непосредственный.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под редакцией А. П. Берже. – Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. – Т. X. – 938 с. – Текст : непосредственный.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под редакцией А. П. Берже. – Тифлис : Главное Управление Наместника Кавказского, 1904. – Т. XII. – 1552 с. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 963. Л. 13. – Текст : непосредственный.
6. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) / В. С. Дякин. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130–142.
7. Захарова, О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи / О. Ю. Захарова. – М. : Центрполиграф, 2001. – 381 с. – Текст : непосредственный.
8. Лазарян, С. С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.) / С. С. Лазарян. – М. : Проспект, 2022. – 768 с. – Текст : непосредственный.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Д. 6482. Л. 46. – Текст : непосредственный.
10. Фадеев, Р. А. Кавказская война / Р. А. Фадеев. – М. : Эксмо, 2003. – 640 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Akty, sobrannye Kavkazskoi Arheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Ed. by A.P. Berzhe. Tiflis, Main Office of the Viceroy of the Caucasus, 1874, vol. VI, part I. 941 p.
2. *Akty, sobrannye Kavkazskoi Arheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Ed. by A.P. Berzhe. Tiflis, Main Office of the Viceroy of the Caucasus, 1881, vol. VIII. 1009 p.
3. *Akty, sobrannye Kavkazskoi Arheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Ed. by A.P. Berzhe. Tiflis, Main Office of the Viceroy of the Caucasus, 1885, vol. X. 938 p.
4. *Akty, sobrannye Kavkazskoi Arheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Ed. by A.P. Berzhe. Tiflis, Main Office of the Viceroy of the Caucasus, 1904, vol. XII. 1552 p.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. Fund 260, inventory 1, case 963.
6. Dyakin V.S. *Natsionalnyy vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.)* [The national question in the internal policy of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii = Issues of History*, 1995, No. 9, pp. 130–142. (In Russian).
7. Zaharova O.Yu. *General-feldmarshal svetleishiy knyaz M.S. Vorontsov. Rytsar Rossiiskoy Imperii* [Field Marshal General His Serene Highness Prince M.S. Vorontsov. Knight of the Russian Empire]. M., Tsentrpoligraf, 2001. 381 p.

8. Lazaryan S.S. *Kavkaz pod upravleniem knyazya M.S. Vorontsova (1844–1854 gg.)* [Caucasus under the Control of Prince M.S. Vorontsov (1844–1854)]. М., Prospekt, 2022. 768 p.

9. *Rossiiskiy gosudarstvenniy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. Fund 846, case 6482, page 46.

10. Fadeev R.A. *Kavkazskaya voina* [Caucasian War]. М., Eksmo, 2003. 640 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гранкин, Ю. Ю. Российская империя и армяне: взаимодействие в конфессиональном контексте XIX века / Ю. Ю. Гранкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 80–87.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Grankin Yu. Yu. The Russian Empire and Armenians: Interaction in the Confessional Context of the XIX Century / Yu. Yu. Grankin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 3, pp. 80–87. (In Russian).